

цию появление поста судьи двух фем, тогда в военном плане они не объединялись. В данном случае возникает вопрос о том, кому в данном случае данный судья подчинялся – вышестоящим чиновникам соответствующего ведомства или же, как принято считать, стратигу фемы? Но в данном случае стратигов было два!

Остается предположить, что во второй половине XI в. в руках стратига остались лишь военные функции, объем которых неуклонно сокращался по мере разложения фемного стратиотского ополчения. Гражданские же чиновники, некогда находившиеся под его контролем, все более зависели не от него, но от вышестоящих должностных лиц столичных ведомств. В данных условиях становится более или менее объяснимым и объединение под властью стратига нескольких «больших» фем, точнее, их сократившихся численно стратиотских ополчений именно во второй половине XI в. Резкое ухудшение внешнеполитического положения империи в ходе сельджукского завоевания Закавказья и Малой Азии требовало как объединенных усилий стратигов соседних фем, так и объединения их контингентов под единым командованием. Так в битве при Капутру в Закавказье кочевники разгромили объединенные контингенты фем Иверия и Великая Армения, Васпуракан и Тарон. В целом создается впечатление, что в условиях внутривосточного кризиса Византии второй половины XI в. данные меры были скорее паллиативами, неспособными радикально изменить военную ситуацию на границах в пользу империи. Итог известен – разгром византийской армии пир Манцикерте (1071 г.) и образование на бывших территориях империи тюркского Румского султаната.

М Р. Стругова
Краснодар

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ КУБАНИ (1945– 1953 гг.) ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В результате Великой Отечественной войны советское общество трансформировалось по многим характеристикам: демографическим, социальным, психологическим, ментальным. Оно представляло собой сложный социальный феномен. Война изменила не только состав и демографический баланс общества, но и внесла коррективы в систему ценностей и жизненные стратегии людей. У многих из них изменился социальный статус, что привело к появлению таких групп населения, как демобилизованные, эвакуированные, репатриированные. Настроения в обществе были

также непростыми: с одной стороны, невиданная боль утрат, с другой – радость победы, ожидание воссоединения с семьей, домом, надежды на мирную жизнь. Эти позитивные настроения были естественной реакцией людей после перенапряжения и мобилизационного порядка жизни в военное лихолетье. Многие с оптимизмом смотрели в будущее¹.

Однако не все люди смогли благополучно интегрироваться в мирную реальность. В первую послевоенную пятилетку были реанимированы многие противоречия и конфликты, характерные для предвоенных лет. Жесткая социально-экономическая политика государства приводила к необходимости сопротивляться жизненным обстоятельствам – отсутствию жилья, одежды, полноценного питания. Люди по-разному реагировали на эти коллизии, каждый выстраивал свои жизненные стратегии. Послевоенное общество, по мнению ряда ученых, можно идентифицировать как «социум, ориентированный на выживание»². В этих сложных условиях советское общество продемонстрировало высокую жизнеспособность, что свидетельствовало о его больших мобилизационных возможностях.

Итоги войны привели к серьезным изменениям геополитического, геостратегического и геоэкономического положения страны. СССР завоевал статус мировой державы, стал одним из центров нового биполярного мира. Послевоенный период представляет собой один из ключевых этапов в развитии советской системы и общества, а взаимосвязь человека, общества и власти представляет ключевую проблему советской эпохи. Понять это общество – значит, во многом найти подходы к решению современных проблем³. Очевидно, что обозначенные проблемы актуально рассматривать не только в масштабах страны, но и в региональном аспекте.

Период первых послевоенных лет (май 1945 – март 1953) «обделен» в советской историографии социально-историческими исследованиями. По мнению автора, объясняется эта тенденция превалированием интересов государства и его институтов над интересами человека и общества, а также недоступностью документов. Переход к постсоветскому периоду в историографии послевоенного СССР обозначился в 1990-е гг., когда открылись архивы высшей и местной государственно-партийной власти. Время переосмысления и накопления новых данных сменилось аналитической фазой. Одномерный классово-политический подход вытеснили иные интерпретации. Важной особенностью постсоветской историографии является активная разработка периода 1945–1953 гг. социальными историками. Критически пересмотрев концептуальные основания, они сместили исследовательские стратегии в направлении социокультурного анализа, историко-антропологического и междисциплинарного подходов⁴. Обращение к истории повседневности позволило увидеть советское общество в иной плоскости – через повседневные социальные практики его граждан.

Изучаемая тема обеспечена разнообразными источниками, весь комплекс которых состоит из письменных (печатных и рукописных) текстов, представляющих совокупность неопубликованных и опубликованных документов. К первой группе письменных источников относятся документы, обнаруженные автором в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) и Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына (КГИАМЗ). Значительная часть используемых архивных документов недавно рассекречена.

По своей значимости и удельному весу среди документов, отражающих социальные процессы в послевоенном обществе, ведущее место занимают фонды крайкома ВКП (б) – КПСС (ЦДНИКК), райкомов, горкомов, уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), фонды первых секретарей крайкома. В них сосредоточены документы, позволяющие выявить основные тенденции развития регионального сообщества в послевоенный период, его настроений в различных социальных группах, особенности коммуникаций с властью, уяснить специфику жизненных стратегий селян и горожан в регионе, проблемы восстановления народного хозяйства. Изученные архивные источники партийных фондов содержат в совокупности информационные, директивные, контрольные, статистические и аналитические документы, позволяющие провести научное исследование на достаточно глубоком уровне. Предпочтительны материалы, содержащие информацию о социальном положении и настроениях населения⁵.

Документы Краснодарского крайкома ВКП(б) существенным образом дополняют материалы, хранящиеся в фондах Краснодарского государственного архива Краснодарского края (ГАКК)⁶: Краснодарского краевого совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета (крайисполкома), отделов крайисполкома (финансового, здравоохранения, приемно-распределительного пункта ст. Кавказской по приему репатриантов; статуправления Краснодарского края; уполномоченных Советов по делам русской православной церкви и религиозных культов и др.⁷ Ознакомление с документами, хранящимися в этих фондах, дает представление о проблемах восстановления экономики, трудоустройстве демобилизованных, репатриантов, миграциях, реальном уровне жизни населения, стоимости потребительской корзины, бытовых условиях, состоянии здоровья, политических и религиозных настроениях сообщества. Вместе с тем, по мнению автора, подходить к цифровым данным следует критически, поскольку в послевоенный период статистика не отличалась точностью, а порой фальсифицировалась. Поэтому некоторые статистические данные следует рассматривать не как количественную оценку явлений, а как тенденцию, ориентир для уяснения процессов⁸.

Для изучения социальных процессов в послевоенном обществе используются нормативные документы – постановления центральных государственно-партийных органов, инструкции, директивные указания, приказы, планы, определявшие жизнь общества. Значительный научный интерес представляют протоколы, стенограммы пленумов, конференций партийных, советских, общественных органов, колхозных и заводских собраний, сходов граждан, регулировавшие многие сферы жизни населения края. Они позволяют сопоставить нормативные требования документов с их воплощением в реальной жизни.

Важным источником являются работы, речи, заметки партийных и советских руководителей государства и края. Анализ этих документов позволяет увидеть и понять основные взгляды руководства страны и региона на проблемы советского общества послевоенного времени.

Интерес представляют материалы эпистолярного жанра и иные формы апелляций населения к власти, которые являются документами личного происхождения и отражают ментальные параметры социума в достаточной множественности. Они формируют наши представления о социокультурном облике общества и являются свидетельством его отношений к социально-экономической политике государства.

Из опубликованных источников необходимо использовать документы центральных и местных архивов, статистические источники, законодательные акты, периодическую печать, мемуарную литературу. Изучать проблемы взаимоотношений общества и власти помогают публикации центральных архивов: рассекреченные документы советской истории 1945–53 гг. по периоду в целом⁹, тематические сборники (из жизни крестьянства¹⁰, деятелей культуры, науки¹¹) и др.). Широкое применение нашли опубликованные документы из архивов Краснодарского края¹². Уникальным изданием стали документальные Книги Памяти, где поименно названы жители края, не вернувшиеся с войны¹³. Для изучения социальных процессов важно использовать статистические источники, что расширяет базу исследования и позволяет произвести аналитические расчеты.

Ценным (иногда – единственным по ряду сюжетов исследования) источником является периодическая печать 1945–1953 гг.¹⁴ Специфическую группу источников составляют документы личного характера – мемуары, воспоминания, переписка (в том числе из фондов КГИАМЗ). Работа с этими источниками позволяет лучше понять психологию людей, дух эпохи, мотивы, двигавшие людьми в условиях послевоенного времени.

---

⁹ ЦДНИКК. Ф.1774-А. Оп.2. Д.1921. Т.1. Л.54; Криводел В.В. Культурное и социальное развитие кубанского крестьянства (1945–1959). Краснодар, 1998. С.12; Зубкова Е.Ю. Земля слухом полнилась... О чем мечтали и на что надеялись советские люди после войны // Родина. 1998. №8. С.5–9.

¹² Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С.5, 6.

³ Зубкова Е.Ю. Общественные настроения в послевоенной России, 1945–1953: Дисс... д-ра ист наук. М., 2000. С.4; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С.277; Соколов А.К. Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Соц. история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С.31; ЦДНИКК. Ф.1774-А. Оп.4. Д.203а. Л.1.

⁴ См.: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Соц. история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С.7–38; Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии // Там же. С.39–100; Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о социальном мире // Соц. история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С.21–22.

⁵ К ним относятся информационные сводки отделов крайкома в ЦК ВКП (б), докладные записки инструкторов крайкома о положении в районах и городах, информационные материалы и отчеты местных партийных органов, перечни вопросов, задаваемых слушателями во время лекций и собраний, материалы обсуждений партийных и правительственных решений среди населения (стенограммы собраний, информационные сводки, письма), информационные записки о настроениях населения, поступающие из организаций.

⁶ К ним относятся протоколы заседаний исполкома; переписка с Советом Министров СССР; документы о проверке выполнения правительственных постановлений и решений КИК; справки, отчеты о восстановлении народного хозяйства края; информации по административным, финансовым вопросам; отчеты органов планирования и статистики о сельском хозяйстве, промышленных предприятиях, строительстве, бытовом обслуживании населения, торговле, народном образовании, здравоохранении; жалобы и заявления трудящихся и др.

⁷ К ним относятся приказы отделов, доклады, информации, отчеты по финансированию отраслей народного хозяйства края; о медицинском обслуживании населения, конъюнктурные обзоры о работе больниц; акты обследований собесом хозяйств колхозников и горожан, отчеты и переписка с вышестоящими организациями; документы о деятельности приемно-распределительного пункта репатриантов на ст. Кавказская; основные показатели, объяснительные и аналитические записки и статистические таблицы о развитии народного хозяйства края, об урожайности зерновых, документы переписи населения, скота, плодово-ягодных насаждений; документы о регистрации, деятельности и расформировании религиозных общин, протоколы предвыборных собраний, отчеты, справки о результатах выборов и другие документы.

⁸ Это прежде всего относится к таким данным, как рост или спад миграций населения; текучесть кадров; выполнение минимума трудодней; налоговые выплаты; рождаемость и смертность; эпидемические болезни; беспорядочность; преступность; степень занятости населения в отраслях народного хозяйства; участие в политической учебе и религиозных организациях; «протестное» голосование и т.д.

⁹ Советская жизнь...; Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945. М., 2003; ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М., 2004; Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002.

¹⁰ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). Сб. док. М., 1993; Голоса крестьян: сельская Россия в XX веке в крестьянских мемуарах. М., 1996; Колхозная жизнь на Урале: 1935–1953 гг. Док. советской истории. М., 2006. и др.

¹¹ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999; Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Док. М., 2004; Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Док. М., 2005; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / 1922–1952. М., 2000.

¹² Документы отваги и героизма: Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сб. док. и материалов. Краснодар, 1965; Хрестоматия по истории Кубани: Док. и материалы. Сост. Г.Т. Чучмай. Краснодар, 1982. Ч.2. (1917–1967); Екатеринодар – Краснодар. 1793–1993. Материалы

к летописи. Краснодар, 1993; Страницы истории в документах Архивного фонда Краснодарского края. Историко-док. альбом. Краснодар, 2002; Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. Кн.1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000; Кн.2. Ч.1. Хроника событий. 1943. Краснодар, 2003; Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Краснодар, 2005.

¹³ Книга Памяти. Россия. Краснодарский край. 1941–1945. Краснодар, 1999. Т.21.

¹⁴ Газеты «Правда», «Известия», «Советская Кубань», «Колхозная Кубань», альманах «Кубань» и др.

М. Н. Тайболина

Курган

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ЗАЖИТОЧНОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ УРАЛА В 1920-е гг.

Специалистами по статистическим источникам о российском крестьянстве 1920-х гг. являются В.П. Данилов, Ю.П. Бокарев, В.А. Обожа, Ю.А. Мошков. Автор опиралась на их работы при подготовке этого материала. Цель данной публикации – показать значение этих источников при изучении зажиточного крестьянства, то есть имущественной и социальной верхушки деревни в 1921–1927 гг., до частичного раскулачивания 1928 г. Помимо сплошных сельскохозяйственных переписей, в 1920-е гг. проводилось много выборочных обследований: весенние опросы, «годовой цикл», гнездовые динамические переписи, бюджетные обследования. Они различаются целями, степенью репрезентативности, степенью достоверности данных, способами получения материала.

Работа с первичными материалами этих обследований затруднена по причинам их плохой сохранности и способам оформления информации. Остановимся на опубликованных материалах, которые были в различной степени обработаны.

Статистика крестьянских хозяйств 1920-х гг. основывалась на группировке по размеру посевной площади. По мнению известного аграрного историка В.П. Данилова, при изучении социальных слоёв крестьянства первых лет нэпа, когда ещё не восстановилось товарное производство, «натуральные группировки крестьянских хозяйств (прежде всего, по размерам посева) в общем и целом соответствовали объективным условиям»¹. В типичных земледельческих районах можно использовать посевную группировку и для 1926–1927 гг. Конечно, точнее группировки по социальным признакам: по найму рабочей силы, аренде земли с учётом их классового характера. Нужно учитывать источники доходов. Однако состояние документов не всегда позволяет применить социальные группировки.